

12. Brooks G.R. The Centerfold Syndrome , OTVC, Texas, 1995
13. Lakoff R. Talking Power: The Politics of Language in Our Lives //NY, 1990
14. Messner M.A. Sport, Men and Gender Order: Critical Feminist Perspectives, 1990
15. Messner M.A Power at Play: Sport and Gender Relations Signs of life in the USA, Bedford, Boston, 1997
16. Lakoff R. Women's Language//Signs of life in the USA, Bedford Books, Boston, 1997
17. Деррида Ж. Позиции // Академический проект, М, 2007
18. Lakoff R. Language and Woman's Place // NY: Harper, 1975.
19. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation, NY, 1986
20. Tannen D. Gender and Discourse, Georgetown UP, 1994
21. Tannen D There is No Unmarked Woman// Signs of life in the USA, Bedford, Boston, 1997
22. Signs of life in the USA, Ed. S.Maasik, J.Solomon//Bedford, Boston, 1997

Н.Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия

КОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Прежде чем перейти к анализу способов и средств реализации конфликтного дискурса в жанре политического интервью межкультурного уровня хотелось бы определить ряд теоретических положений, которые находятся в основе настоящего исследования.

1. Конфликтный дискурс мы понимаем как деструктивную деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определенной тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер). Коммуникация в

большинстве случаев реализуется как диалог между культурами и индивидами, выступающими носителями данных культур. В таком случае мы говорим о межкультурной коммуникации.

2. Конфликтный дискурс представляет из себя следующую триаду: любой конфликт как столкновение интересов коммуникантов порождает речевую агрессию, которая затем воплощается в коммуникативном конфликте.

3. Средством репрезентации и объективации речевой агрессии в процессе общения является коммуникативный конфликт. Коммуникативный конфликт можно охарактеризовать как имеющий место в любой сфере человеческой деятельности, проявляющийся на уровне «группа-группа» или «личность-группа (коллектив)», выраженный словесно. Проявление остальных характеристик коммуникативного конфликта будет зависеть от конкретной ситуации его возникновения, развития и разрешения (или неспособности его участников прийти к конструктивному решению). Средствами реализации коммуникативного конфликта будут являться инвектива, угроза, оскорбление, представляя при этом самостоятельные стратегии конфликтного дискурса.

4. Разновидностью коммуникативного конфликта является конфликтный диалог. Конфликтный диалог представляет собой языковое и речевое воплощение агрессивного и негативного состояния человека, его отношения к внешнему миру, происходящим в нем событиям, взаимоотношениям в социальной среде. Наиболее продуктивным является изучение способов реализации конфликтного диалога в жанре интервью, где особенно ярко будут проявляться статусные роли собеседников, отличия в их социальном опыте, степень речевой культуры, то есть все факторы, которые в той или иной степени влияют на успех/неуспех коммуникации. В конфликтном типе дискурса нарушается асимметрия ролей партнеров, что в некоторых случаях приводит к несоблюдению нейтралитета интервьюера. Интервьюер не всегда лишен права для выражения своего мнения. В некоторых случаях, высказывая свою точку зрения по тому или иному вопросу, комментируя высказывание собеседника, интервьюер провоцирует интервьюируемого на конфликтный диалог, тем самым воздействуя на целевую аудиторию в эмоциональном плане и создавая у реципиента информации желаемое психологическое состояние.

5. Проведение исследования конфликтного дискурса возможно с учетом социальных, психологических и культурно значимых условий и обстоятельств. Такая интерпретация дискурса продиктована утверждением о

том, что общение в целом, его конфликтный вид в частности, определяется личностной, социальной и национально-культурной парадигмой. Индивидуальные особенности речевого поведения человека всегда включены в систему норм, конвенций и правил, которые вырабатываются в той или иной культуре. Наиболее яркое проявление эти индивидуальные свойства носят в коммуникативном конфликте, который, с одной стороны, детерминирован личностной парадигмой, а, с другой стороны, – особенностями национально-культурного пространства. В таком случае мы говорим о межкультурной коммуникации.

Нами предложено многовекторное описание конфликтного дискурса в одной из его жанровых разновидностей – интервью, анализируемого с позиции конфликтного дискурса через призму теории межкультурной коммуникации. При этом нашей главной целью является стремление уйти от такого контрастивно-прагматического описания конфликтного взаимодействия представителей различных культур, которое, по мнению А. Вежицкой (1999), страдает этноцентризмом и принимает за точку отсчета американскую и английскую речевые культуры. Автор предлагает вести анализ культурных различий в способах осуществления дискурсивной деятельности с универсальных и нейтральных позиций, что важно и при исследовании конфликтных форм взаимодействия. Мы считаем, что рассмотрение конфликтного дискурса в аспекте межкультурной коммуникации правомерно на основании мысли о том, что дискурс образуется при отношениях между объектом конфликтного дискурса (предметом конфликта), субъектом конфликтного дискурса (реципиентом конфликтного дискурса) и еще одним реципиентом. В жанре интервью, как известно, взаимодействуют три стороны: интервьюер, интервьюируемый и целевая аудитория (которая, в свою очередь, может быть неоднородной). Пропозиция (то есть определенная конфигурация фактов) складывается таким образом, что стороны находятся в столкновении друг с другом, и общение характеризуется наличием конфликтных иллюкативных намерений.

Интервью как жанр устной публичной речи имеет несколько типов в зависимости от возникающих в нем коммуникативных позиций. Е.И. Голанова (2000) выделяет три наиболее типичных разновидности интервью:

1. Партнеры по диалогу выступают как равноправные собеседники (и с социальной, и с языковой точек зрения).

2. Интервьюер – один из представителей журналистов «новой волны», известных своей психологической и языковой раскрепощенностью, индивидуальной «речевой маской».

3. Инициатор беседы (журналист) подчеркнуто вежлив, корректен, ведет разговор без панибратства, стремится не отступать от известных правил и норм публичной речи, выдерживает коммуникативно-этикетную дистанцию.

В процессе общения членов российского эшелона власти и журналистов, представляющих зарубежные СМИ, перечисленные выше разновидности интервью реализуются с разной степенью полноты. Мы не можем утверждать, что партнеры по диалогу в интервью межкультурного уровня могут выступать как равноправные собеседники с языковой точки зрения. Паритетность участников коммуникативного акта в ходе межкультурного политического интервью ощущается только на уровне статуса государств, которые они представляют. Ценностные установки интервьюера и интервьюируемого как индивидов и социальных субъектов, личностные системы верований, групповые традиции, традиционные системы убеждений в пространстве конфликтного дискурса играют немаловажную роль по причине того, что каждый из участников коммуникативного взаимодействия транслирует свои ценности на партнера по интеракции или целевую аудиторию, а в случае несовпадения провозглашаемых идей или ценностей с уже имеющимися у другой стороны представлениями возникает коммуникативный конфликт.

Анализ языкового материала показывает, что в случае реализации любой из описанных выше моделей интервью диалог может носить конфликтный характер, а общение ведется в деструктивном русле, так как экстралингвистические показатели не могут не влиять на процесс коммуникации, особенно в случае общения представителей двух разных лингвокультур. Не отрицая роли и важности собственно языковых условий порождения коммуникативного конфликта, необходимо признать, что специфика общения в рамках той или иной лингвокультуры накладывает отпечаток на возникновение конфликта в языке и речи. Специфические характеристики поведения в той или иной национальной общности с наибольшей силой проявляются, когда в контакт вступают представители разных культур, что приводит к сбоям, нарушениям и даже невозможности общения.

В данной статье нам хотелось бы проанализировать некоторые способы речевого воздействия в конфликтном дискурсе – упрек и оскорбление.

Принадлежность интервьюера и интервьюируемого к разным национально-культурным сообществам играет, на наш взгляд, важную роль при анализе упрека как способа речевого воздействия. Различия в степени владения знаниями и представлениями у членов разных этно-социумов не может не отложить отпечаток на восприятие одной и той же ситуации партнерами по коммуникации, принадлежащими к разной культуре. Как следствие – непонимание проблемы инокультурным партнером и упрек со стороны его собеседника. Так, например, в уже анализируемом интервью Владимира Путина журналу Time журналист интересуется у Президента России, может ли он повлиять на американские выборы (вопрос был задан уже ближе к середине интервью). В. Путин отвечает: *«Я вижу, что Вы ничего не поняли. Принцип нашей работы заключается в том, что мы считаем вредным вмешиваться во внутренние дела других стран. Мы и себе не позволяем и не позволим вмешиваться, но и в дела других стран вмешиваться не собираемся»*. В другом месте этой же беседы на вопрос о месте России через 30-50 лет В. Путин упрекает журналиста за отказ от желания уйти от периода «холодной войны»: *«Видите, Вы никак не можете, мы с вами никак не можем уйти от периода 'холодной войны и супердержавного мышления'»*. В данном случае упрек выражен в вполне корректной и толерантной форме с использованием собирательного «мы».

Следовательно, диалогическое взаимодействие с агрессивным потенциалом упрека партнеров различных национальностей характеризуется прагматическим и когнитивным очуждением, так как, по замечанию П.Н. Донца (2004), основным дифференциальным свойством межкультурной коммуникации по отношению к обычной, внутрикультурной коммуникации выступает контакт с «чужим» – с «чужим» коммуникантом, текстом, кодом, ситуацией. Не вызывает сомнения тот факт, что последствия этого контакта будут иметь негативный характер в случае деструктивных форм взаимодействия. Прагматическое очуждение при диалогическом взаимодействии с агрессивным потенциалом упрека проявляется в пониженной или завышенной оценке чуждых феноменов (в некоторых случаях одних и тех же феноменов, но рассмотренных представителями различных культур с присущей им точки зрения), когнитивное очуждение реализуется в неполном знании о чуждых феноменах (или нежелании иметь полное представление о тех или иных феноменах, универсальных для различных общностей).

По нашим наблюдениям, в современных интервью при реализации оскорбления как способа речевого воздействия анализируемый агрессивный речевой акт может реализовываться в следующих значениях: 1) сам поступок, направленный на понижение социального статуса оппонента; 2) речевые средства, адресованные объекту оскорбления; 3) проявление враждебности против государства; 4) обида на какое-то действие, совершенное оппонентом (третьим лицом); 5) неудовлетворенность существующим положением дел; 6) оценка чьих-либо действий (констатация факта) как оскорбительных; 7) юридическая оценка того или иного события.

Рассмотрим приемы семантизации описанных выше значений оскорбления как агрессивного речевого акта. Вероятнее всего, совершение поступка с целью понижения социального статуса оппонента (или третьего лица) в современных политических интервью проявляется уже в самом факте описания или характеристики действий адресата оскорбления как неадекватных, несоответствующих общепринятым нормам, противоречащих мировым стандартам. Поступок подобного рода в речевом плане проявляется в особом наборе языковых средств, которые деструктивно воздействуют на процесс коммуникации в анализируемой нами области человеческой деятельности. Так, например, еще на посту Президента России Владимир Путин в интервью американским журналистам [электронный ресурс], иллюстрируя положение о политике двойных стандартов, приводит в пример ситуацию с Зелимханом Яндарбиевым, включенным в список международных террористов и проживающего сейчас в Катаре. В. Путин так характеризует этого человека: *«И у нас есть примеры и сведения о том, что американские чиновники встречаются с людьми такого же сорта, с подонками».*

Проявление враждебности против государства может не манифестироваться в особом наборе языковых средств в силу стремления глав государств к максимально толерантному общению и сохранению стабильных отношений между странами. Однако обида на действия того или иного государства, неудовлетворенность существующим положением дел может выражаться через особые синтаксические средства, обращение к журналистам как представителям своей державы, сравнением (не всегда в пользу адресата оскорбления) с другими государствами и цивилизациями. В интервью Владимира Путина журналу Time тогда еще Президент России так описывает проблему в отношениях между Россией и США: *«Но, во-первых, почему вы решили, что ваша цивилизация самая лучшая? Есть гораздо более*

древние цивилизации, чем американская. А во-вторых, нам тихо дают понять, на ухо шепчут: «Мы вас готовы принять, но вы имейте в виду, что у нас патриархальная семья, и мы здесь старише, и вы нас слушайтесь». Не вызывает сомнения тот факт, что различные значения оскорбления как агрессивного речевого акта не существуют разрозненно, а реализуются только в их совокупности и единстве. Мы полагаем, что проявление враждебности против государства, обида на какое-то действие оппонента или третьего лица, неудовлетворенность существующим положением дел, оценка чьих-либо действий как оскорбительных настолько близки в плане репертуара средств их семантизации, что иногда очень сложно провести грань между тем или иным значением оскорбительного речевого действия. В том же интервью Владимира Путина журналу Time интервьюируемый так характеризует представителей прессы (естественно, не называя конкретных имен): *«Но должен Вам откровенно сказать, хотите – печатайте, хотите – нет, Вы и сами об этом знаете: есть люди, которые очень ангажированы, несмотря на всю свободу западной, в том числе американской прессы. Они просто отработывают деньги, которые им платят хозяева, и не хотят ссориться со своим начальством».*

По нашему мнению, юридическая оценка тех или иных действий как оскорбительных характерна лишь для интервью на специальные темы и крайне редко встречается в беседах по политическим и общественным проблемам, так как вопросы юридической практики – это прерогатива специалистов другого профиля.

В качестве итога хотелось бы высказать мысль, к которой мы пришли в ходе нашего исследования. Интервью (диалог) между представителями государств, которые способны влиять на ситуацию в мировой политике и которые делают это не в всегда совпадающей манере, отличаются наличием большого количества провокационных вопросов со стороны интервьюера, настороженного (иногда оборонительного) отношения к странам-оппонентам со стороны интервьюируемого, в случае несовпадения взглядов политиков этих держав – агрессивных речевых актов с интенцией угрозы, оскорбления или упрека. В случае мирного сосуществования двух государств, совпадения точек зрения по всем принципиальным вопросам мировой политики в действиях обеих сторон общение между представителями этих стран носит вполне конструктивный характер, лишенный агрессивного и конфликтного потенциала, коммуникация строится на принципах толерантности.

Библиографический список

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 776 с.
2. Голанова, Е.И. Устный публичный диалог: жанр интервью [Текст] / Е.И. Голанова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 427-452.
3. Донец, П.Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм: Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Донец Павел Николаевич. – Харьков, 2004. – 367 с.

Н.Д. Кручинкина
Саранск, Россия

ТРАНСПОЗИЦИЯ ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТИТУЕНТОВ ПРОПОЗИТИВНЫХ СИНТАГМ

Процесс наиболее жесткого способа подчинения – согласования при подчинительных отношениях приводит к той или иной степени уподобления зависимого компонента главному. Такого рода уподобление происходит и в пропозитивных номинантах, т.е. событийных знаках с пропозитивным оформлением означающих. Та степень уподобления, при которой зависимый компонент синтагматически обусловлено выводит на первый план одно из вторичных значений, приводит к так называемой семантической транспозиции [Балли 1955: 130–143].

Следствие определенного семантико-грамматического подчинения зависимого конституента синтагмы главному было описано во французской лингвистике Ш. Балли, Л. Теньером, Ж. Дюбуа. Оно получило в их работах разное наименование. Ш. Балли назвал это явление транспозицией [Балли 1955: 13–131], Л. Теньер – трансляцией [Tensière 1959: 361–642; Теньер 1988: 375–612]., Ж. Дюбуа – трансформацией [Dubois 1967: 29–31; 44–48]. Все эти термины семантически мотивированно называют переход конституента синтагмы в другой лексико-семантический класс или подкласс, в другую категорию или субкатегорию.

Наиболее распространенным термином для означивания этого явления оказался термин Ш. Балли *транспозиция*. Нами он также заимствован для обозначения того явления, которое имеет в языке очень широкий диапазон действия, проникая во все сферы языка – морфологию, синтаксис, семантику